

A decorative border with intricate floral and geometric patterns, featuring stylized flowers, leaves, and circular motifs, framing the top and sides of the page.

1

Наследство

Его разбудил запах.

Сон как рукой сняло, и Самир уселся в кровати, чувствуя грозу еще до того, как она разразилась. Выбравшись из-под висевшей над кроватью сетки от moskitov, он подошел к окну и раскрыл ставни. Зловещие тучи надвигались, заслоняя луну. Поставив локти на подоконник, подперев голову ладошками, он принялся глядеть вверх, на небесную твердь. Гроза вот-вот начнется, он чувствует ее запах; как и всегда, она возникает ниоткуда, сопровождаясь треском яркой молнии и громовыми раскатами. И Самир стал ждать, ведь спать при таком грохоте все равно невозможно.

Десятью годами ранее он, живое существо, родился, возвестив о своем появлении на свет первым криком; в это самое время окно в спальню распахнуло порывом ветра, и этот ветер он тут же без остатка вдохнул. Самир — так назовут его родители. Самир — значит «порыв ветра». Самир — мальчик, вдохнувший муссон.

Из года в год ливень неизменно благословлял Самира в день его рождения, вот и теперь, когда

черноту неба прорезала молния, мальчик радостно встретил его.

— Привет, дружище, — произнес Самир в темноту.

Спроси его кто, и он не смог бы объяснить, откуда узнал о приближении грозы. Вообще-то вода не имеет запаха, а значит, сам по себе дождь ничем не пахнет. Но, взаимодействуя с запахами то тут, то там, он переносит их, запахи тех мест, над которыми проливается. В то утро дождь ожидаемо принес в Лахор запах пыли, но вместе с тем и свежести. Однако Самиру не терпелось приподнять эту завесу осадков: он принялся своим орлиным носом с едва заметной горбинкой и, увлекаемый запахами, отправился в незримое путешествие по окрестным улочкам, мимо домов.

Известно множество способов почувствовать запах. Главным образом он проникает в нос, и, конечно же, Самир прежде всего ощущал запах носом. Но сподручнее было ощутить запах, будь он приятный или зловонный, нутром — так Самир испытывал тесную, почти физическую связь с запахом.

И мальчуган тесно прижался животом к раме открытого окна, жадно вбирая в себя запахи: отсыревших, пахнущих затхлостью стен, мха и водорослей, коровьих лепешек, промокшей древесины, лемонграсса и цветов лотоса. Разместив этот букет ароматов в своей коллекции запахов, Самир, ставший на год старше и на множество запахов богаче, вернулся в кровать.

Ровно в половине шестого, точно по часам, благовонный дымок вполз через щель под дверью в комнату Самира, и мальчик догадался: дядя в соседней комнате

уже встал и совершает утренний ритуал, воскуря ароматические палочки агарбати¹. Дождь к тому времени перестал, в мире воцарилось прежнее спокойствие.

Самир выбрался из кровати, надел коричневые шорты и голубую рубашку. Тихонько отворил дверь и прошлепал по коридору нижнего этажа в самый конец, к высокому глиняному кувшину. Плеснул холодной водой в глаза, вытер лицо. А когда посмотрелся в зеркало на стене, за спиной у него уже стоял дядя и улыбался.

Самир обернулся; присев на корточки, он почтительно коснулся ног дяди.

— Тайя-джи, — обратился он к старшему брату отца.

— *Джиндерахо, мере путтар*, — ответил Вивек на пенджаби, ласково касаясь головы племянника. — Долгих тебе лет жизни. Вот ведь, уже десять исполнилось. Как время бежит. — Он рассмеялся.

Они вместе спустились по лестнице; внизу остальные члены семейства занимались в это утро обычными делами. Самир прошел через комнату к мощенному камнем ангану², где устроился дед, пожилой человек семидесяти лет. Он склонился над свежим номером газеты с лупой в руках, при этом очки его сидели на самом кончике носа, что придавало ему комичный вид. При взгляде на подошедшего Самира сосредоточенный Сом Натх просиял и обнял внука.

Из кухни вышла мать Самира, Савитри, завернутая в розовое с опаловым оттенком сари, конец которого покрывал ее голову. В руках у нее был поднос

---

¹ Переводчик выражает благодарность Анне Бочковской за помощь с реалиями индийского мира.

² Анган — двор. — *Здесь и далее примеч. пер.*

с четырьмя высокими металлическими стаканами с ласси¹; протягивая один Самиру, она поцеловала его в лоб.

— *Саалгирахмубарак*, сынок, — пожелала ему мать, потом поставила два других стакана перед Сомом Натхом и Вивеком и позвала мужа.

Из комнаты появился Мохан и занял место рядом с отцом.

После отгремевшей рано утром грозы воздух стал еще прозрачнее, в нем как будто разлилась необычайная свежесть. Капли дождя держались на ярко-зеленых листьях тулси², высаженного в центре дворика, по обе стороны которого росли кусты жасмина. Жасмин после ночного ливня тоже похорошел и наполнял весь дом ароматом.

— Тайяр, готов? — спросил Мохан именинника. — Ну что, идем?

Самир залпом допил остатки прохладного молочного напитка.

— Да, баба³.

И взялся за руку отца.

Семья Видж жила в самом сердце обнесенного древними стенами Лахора. Город стоял уже многие столетия, однако именно в шестнадцатом веке, в правление падишаха Акбара Великого, он по-настоящему прославился. Падишах велел построить дворец и обнести его защитными стенами с тринадцатью величественными

---

¹ Ласси — освежающий индийский напиток: взбитая смесь йогурта, молока или воды, пряностей и фруктов.

² Тулси или туласи (*санскр.*) — базилик священный.

³ Баба — во многих индийских языках обращение к отцу или дяде.

воротами, ни одни из которых не повторялись. За сотни лет многие из этих великолепных ворот были разрушены, однако ворота Шах-Алми¹ устояли, и именно в их окрестностях семейство Видж и обосновалось.

Их двухэтажный кирпичный дом «Видж Бхаван»² — название горделиво красовалось на каменной доске — стоял на углу широкой улицы Шах-Алми Базар и узкой улочки Решмия. Самир неизменно веселился всякий раз, стоило только словечку «Решмия» слететь с его языка подобно шелковистой, легкой как газ материи. Дед частенько рассказывал ему, что когда-то семья торговала тканями, а итгарами³ они занялись всего за несколько лет до того, как родился Самир. Сом Натх вынимал из нагрудного кармана тщательно отутюженной курты⁴ вышитый платок и демонстрировал его внуку как свидетельство их когда-то хорошо налаженного семейного дела.

— В мое время ведь как селились... — Сом Натх повел немощной рукой, приглашая внука в путешествие. — Можно всю историю общины, религиозного братства, рода, племени проследить по названиям улиц, на которых они живут. К примеру, наша улица — куча⁵ Решмия, она названа так по шелковой ткани решам, которой мы торговали. А вот гали⁶ Дхобия названа по селившимся там мужчинам-пращкам. Потом есть гали Кабутарбаз,

---

¹ Шах Алам I (1643–1712) — падишах государства Великих Моголов в Индии.

² Видж Бхаван (*хинди*) — дворец семейства Видж.

³ Итгар или атгар (*араб.*) — запах, аромат.

⁴ Курта — традиционная мужская одежда: свободная, довольно длинная рубаша с разрезами по бокам.

⁵ Куча — улица.

⁶ Гали — переулок.

голубятников, и куча Факир Хана — по имени семьи Факир, гали Ачариян, Мариновщиков. Ну и, наконец, мои любимчики, — тут он хлопком соединял ладони, — гали Кабабиян, на которой живут кебабщики, у них вкуснейшие кебабы! — После этих слов оба, и дед, и внук, принимались хохотать.

Этот рассказ об истории тесно переплетенных улочек древнего города стал у них своего рода традицией, и сколько бы раз Сом Натх ни рассказывал, Самиру никогда не надоедало слушать.

— Даду¹, а где живут парфюмеры? — спрашивал Самир. — Почему мы не поселились там?

— Видишь ли, путтар², есть в нашем городе одна община торговцев парфюмерией, они живут и работают неподалеку, в районе Дабби Базар. Их лавки теснятся вокруг Золотой мечети. Еще на подходе чувствуешь: вот они, совсем рядом — все вокруг окутано невероятными ароматами. И ты всегда можешь прийти к ним... — дед помолчал, — только помни, что твой дом, дом твоих предков, здесь. И кем бы ты ни стал, Самир, сынок, чем бы ни занялся, куда бы ни забросила тебя судьба, здесь твои родные места. Здесь твой дом.

Вивек, Мохан и Самир уже миновали ворота Шах-Алми, когда ароматы первого утреннего чая, который заваривали в домах, — чайный лист, кардамон, имбирь, листья тулси, молоко и сахар — только выплывали из окон, только зазвучали распевы утренней молитвы и шум повседневных домашних дел, а мужчины и дети, появляясь из лабиринта улочек, выходили на главную

---

¹ Даду — дед; старший брат.

² Путтар — сын, сынок.

улицу и направлялись к восточной окраине Старого города. На некоторых были прямые брюки паджама с хлопковой куртой длиной до колен, кое-кто надел дхоти¹ со складками ткани, надежно скрепленными на талии, достигающими середины икры, и лишь совсем немногие, как и Вивек, щеголяли в брюках и рубашке европейского покроя. На головах у большинства мужчин были накручены тюрбаны разной высоты и разных стилей, с куском свободно свисающей ткани на конце.

Мужчины семейства Видж в полном молчании прошли через весь город к его окраинам, никто не произнес ни слова, пока не показалась конечная цель их пути, пока могучая, легендарная река Рави не поприветствовала их. Бурливая, непослушная река за многие годы не раз прихотливо меняла русло, не раз разливалась наводнением, размывая берега, равнодушная к тем, кто там жил. В это августовское утро люди гуляли вдоль реки парами или целыми группами, кто-то сидел на берегу, другие купались, заплывая подальше, ну а некоторые молились, исступленно совершая поклоны. Мужчины семейства Видж расположились на песчаном берегу.

Волны Рави вздымались и опадали, неся воспоминания и мифы тысячелетней давности. Именно здесь многие святые и праведники молились всемогущим богам, испрашивая просветление. Именно здесь сикхский гуру Арджан Дэв, вынеся пять дней пыток по приказу Джахангира, падишаха империи Великих Моголов, совершил свое последнее омовение и бес-

---

¹ Дхоти — традиционный для Индии тип мужской одежды. Прямой полосой ткани от двух до пяти метров длиной драпируют ноги и бедра, пропуская один конец между ног и создавая таким образом подобие шаровар.

следно исчез в потоке, перейдя в иной мир. Именно здесь были развеяны останки Лилавати, бабушки Самира, которой ему не довелось застать. Именно здесь всего несколько лет назад Джавахарлал Неру провозгласил лозунг: «*Пурна сварадж!*»¹, требуя полной независимости страны от британского правления. И именно здесь, на берегу реки, свидетельницы исторических событий, в этот воскресный день, на взгляд десятилетнего Самира, вполне обычный, течение его жизни поменяет свое русло раз и навсегда.

Они шли долго, и все это время в переднем кармане Вивека лежал надежно спрятанный флакон; теперь, когда они устроились на берегу, пристально всматриваясь в питавшую город реку, он достал этот флакон и поставил его на землю перед племянником. Стекланный, овальной формы и с широким горлышком, флакон был плотно закрыт стеклянной же пробкой. На фоне песка его цвет отдавал насыщенным рубином. Самир все разглядывал флакон, пока отец не пододвинул его легонько к сыну.

Улыбаясь, мальчик потянулся за флаконом и откупорил его. Но даже не успел поднести флакон ближе: аромат, ударив в нос, прямо-таки ошеломил его. Запах был удивительный, он пробуждал воспоминания. С таким запахом Самир еще не был знаком, хотя за свою пусть еще недолгую жизнь пытливый мальчик, повинаясь устремлениям своего носа, исследовал много чего: цветы, листья, кору деревьев, всевозможные пряности на кухне, от приторных до жгучих, камни — сухие, влажные и мшистые, всякую мошкарку, домашних

---

¹ Пурна сварадж (*хинди*) — полная независимость.

животных и даже, пока никто его не видел, кое-какие бутылочки с иттарами в магазине. И все-таки никогда еще запах не овладевал им всецело, никогда еще мальчику не доводилось сталкиваться с чем-то поистине божественным. Да, он никогда не слышал этот аромат прежде, однако на долю секунды ему показалось, будто бы он встретил что-то давно забытое, будто бы когда-то этот восхитительный запах окутывал его и теперь воспоминания о нем поднимались из глубин памяти на поверхность.

Ребячливая улыбка вмиг слетела, Самир посерьезнел: оказывается, некоторые запахи действуют на него не так, как другие. Когда ему исполнилось пять, отец преподал ему первый урок, познакомив с важным компонентом духов, эссенцией ветивера¹ из кхаса². Аромат темно-изумрудной жидкости тут же напомнил Самиру эту душистую траву, вплетенную в занавеси их особняка хавели³ летом. Даже в столь юном возрасте он распознал запах, вспомнил его. Однако ветивер никогда не интересовал его, не то что этот новый аромат, который прямо-таки притягивал.

Его нутро охватило отчаянное, страстное желание: стиснув пробку в руке, он зажмурился и глубоко

---

¹ Ветивер, или ветиверия цицаниевидная, — растение семейства злаковых; ветиверовое масло используется в парфюмерии и ароматерапии.

² Кхас — иначе ветивер.

³ Хавели — особняк в традиционном для мусульманского Пакистана стиле, в несколько этажей, с внутренним двориком. Первый этаж служил складом и конторой, в верхних этажах располагались жилые помещения. Верхние этажи соединялись с нижними узкими, затейливыми лестницами, комнаты были богато украшены занавесями, многочисленными подушками, ларями и прочей резной мебелью.

вдохнул содержимое флакона. Не скованный условностями, свободный от рамок, налагаемых обучением, он как умел сосредоточился на одном лишь запахе, вдохнув как можно глубже. Остальное может подождать, должно подождать. Все, что окружало его, — река, предания, песок, легкий ветер, утренний свет, даже семья — растворилось. Все материальное растаяло в воздухе. Осталось лишь что-то бархатистое, не имевшее формы. Оно отдавало свежестью, чем-то кремовым, медовым, было опьяняющим и в то же время резким и темным.

Когда Самир открыл глаза, в них стояли слезы. И прежде чем мальчик пришел в себя, связав все воедино, из глаз брызнуло. Сбитый с толку, стыдясь неловкого момента, Самир поставил флакон на землю и хотел было утереться. Но Вивек перехватил его руку.

— Оставь, — сказал он, — пусть текут.

Самир взглянул на отца: он едва видел его сквозь слезы.

Мохан в задумчивости потирал подбородок.

— Как это возможно, — рассуждал он вслух, — чтобы тебе передалось чутье от того, кто не был наделен им от рождения, а приобрел исключительно благодаря работе над собой. Чтобы нос твоего дяди и его способности достались тебе по наследству... — Он помолчал. — Невероятно!

Вивек же многозначительно улыбнулся. Ведь едва появившись на свет, мальчуган уже обнаруживал стремление понюхать все, до чего только мог дотянуться, ясно давая понять, что ему на роду написано связать свою жизнь с запахами. Однако поразило Вивека то, что Самир, еще совсем ребенок, оказался

способен на такие глубокие переживания. Он ощутил мимолетный укол ревности: жаль, что его собственный нос не заявил о себе раньше.

Чуть кашлянув, Вивек спросил Самира, почему он заплакал.

Самир пожал плечами.

— Да я... сам не знаю, тайя-джи. Просто потекли слезы, и все.

Самир не понимал, как это произошло, не мог объяснить почему, но он был уверен, что аромат, имея отношение к прошлому, пробудил в нем воспоминания.

— Что ты почувствовал?

— Я и не думал, что он окажется таким... — мальчик замолчал, не находя нужных слов.

— И все-таки, путтар, что ты почувствовал? — настаивал отец.

— Ночь, — начал Самир неуверенно, — я почувствовал прекрасную ночь без конца и края.

Собственно, так оно и было. Однако Самир показалось: те ощущения, что он испытал на самом деле, словами не выразить. Может, так оно и должно быть?

Вивек показал на флакон.

— Это эссенция туберозы, иначе называемой радж-нигандха. Цветок распускается в ночи, он невероятно дорого стоит, и получить из него экстракт непросто. Так расскажи мне, что ты все-таки почувствовал?

— Мне было спокойно-спокойно. И будто я лежу в кровати из звезд, — сказал Самир и почувствовал, что сморозил глупость.

Мохан переглянулся со старшим братом — губы того тронула улыбка.

— Запахи могут вызывать у нас реакции, неподвластные нашему контролю, как приятные, так и отталкивающие, а то и просто странные.

— Как слезы, да? — спросил удивленно Самир.

Вивек, сжав губы, кивнул.

— У меня внутри как будто буря началась. — В голосе ребенка слышалась боль, несвойственная такому юному возрасту. — Я чувствовал запах сердцем. Вот тут, — он прижал ладошку к груди.

— Только помни: ты чувствуешь запах не сердцем, а совсем другим органом. — И Вивек коснулся кончика своего носа.

Самир нахмурился. Еще как можно чувствовать запах сердцем! Он-то чувствовал и чувствует — сердцем, нутром, носом, даже подушечками пальцев. По правде сказать, всем телом. Однако его мысли были прерваны здравыми рассуждениями дяди.

— Какое бы действие запах ни оказывал на твое сердце, это всего лишь действие, которое подсказывает память. Когда ты чувствуешь приятный запах, ты в нем будто купаешься. Он такой мощный, что ты, не находя этому объяснение, в конце концов разрешаешь себе... — не договорив, он замолчал.

— ...покачаться на его волнах? — подсказал Самир.

— Именно. Тому, кто воспринимает запахи остро, до болезненности, аромат больше не кажется летучим веществом, он... — прежде энергично жестикулировавший, Вивек замолчал, и вместе с ним замерли в воздухе его руки. — ...Он оживает, дышит, растет, принимает разные формы. Судя по всему, ты способен проживать запах, пропуская его через себя.

«Остро, до болезненности», — так выразился дядя.

Все замолчали; Самир поднял стоявший на земле флакон, собираясь вернуть его отцу.

— Нет, теперь он твой, это подарок тебе на день рождения и одновременно в знак начала нового этапа в твоей жизни. Подарок ценный, может, даже слишком, но для него самое время. — Отец обхватил ладонку Самира, в которой оказался зажат флакон; он все еще поражался тому, как много общего между его сыном и старшим братом. — Итак, отныне ты поступишь в ученики к парфюмеру.

Краткая история рода

История Самира Виджа с его исключительными способностями чувствовать запахи началась задолго до его рождения. Собственно, начало ей положили мечты дяди Самира: вдали от Лахора, на полях Первой мировой, ночами, в жестокий мороз, он тосковал по дому и красоте. Со временем острое обоняние унаследовал Самир; однако маленький мальчик, ничего не подозревая, употреблял дар на то, чтобы творить собственный мир.

Семейство Видж занялось торговлей текстилем в 1830 году; с тех пор дела их шли в гору, они поставляли роскошные ткани аристократии, дворам махараджей и чиновникам британской короны. Они завозили